Беларусь и война 1812 года – Беларусь и война 1812 года // Сборник документов под ред. А.М. Лукашевича, Д.Л. Яцкевича. Минск, 2011.

Краснянский 1902 – Краснянский В.Г. Минский департамент Великого княжества Литовского. СПб., 1902.

Abrégé de toutes les sciences et géographie à l'usage des enfans – Abrégé de toutes les sciences et géographie à l'usage des enfans. P., 1811.

Archives Nationales – Archives Nationales. Paris, Vol. 1646.

Fabry 1903 – Fabry G. Campagne de Russie (24 juin – 10 aout). P., 1903.

Le Journal de l'Empire – Le Journal de l'Empire. P., 1812.

Pastoret 1900 – Pastoret A.D. de. Mémoires sur la Russie // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. 5. Москва: Типография А. И. Мамонтова, 1900.

Service historiques de la Défense – Service historiques de la Défense. Paris, 1 M 1489, 1M 1486.

Tymcz. Gaz. Mińska – Tymczasowa Gazeta Mińska, Mińsk, 1812.

A.A. Postnikova

MINSK IN 1812: BETWEEN RUSSIA AND FRANCE

The Minsk department during the Russian Campaign of 1812 played one of key roles in Napoleon's plans. The French believed that the locals who are eager for release from oppression of Russians will support Great Army. At the beginning of the Russian campaign the French leaders have created a certain illusion, considering that Poles are ready to be ready to do anything for the sake of freedom of the state. All policy of the French-Polish government was based on this representation. In spite of the fact that in actions of the Minsk commission the aspiration was shown will get support of the local Polish population, they, in turn, counted on quieter life without taxes and the victims for the sake of Napoleon. The French-Polish government, being guided only by the interests of Poles, didn't assume how deep were cross-cultural and social contradictions in the Belarusian society.

Keywords: Russian Campaign of 1812, occupation, cross-cultural interaction, Great Army.

DOI 10.26170/vvi17-01-16
Код ВАК 07.00.02

А. К. Рахимбекова

СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБРАЗЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ: ИХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ И КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Статья посвящена стереотипным представлениям о казахах-кочевниках. Внимание сфокусировано на жизненном опыте казахов-кочевников, сложившемся в определенных условиях и перенимавшийся крестьянами-переселенцами в новых для них условиях.

Ключевые слова: образ, стереотипы, «свой-чужой», заимствования, крестьяне-переселенцы, казахи-кочевники, практика повседневности.

Осознание необходимости изучения разного рода идей, представлений, образов людей ушедших эпох стало сегодня очень популярным. Понятие «образ», презентация и репрезентация образа «другого», «свой-чужой» все чаще звучат в работах исследователей. Данное направление в исследовательской деятельности пришло в историческую науку сравнительно недавно, с тех пор, как появилось понимание, что идеи не только могут как-то влиять на поведение людей, но и напрямую определять это поведение.

Особый интерес вызывает изучение образа колонизованных народов у представителей нации-колонизатора. Образ степняков-кочевников всегда вызывал определенный интерес. Для жителей оседлых земледельческих цивилизаций мир кочевников являлся terra incognita. Загадочный мир кочевника и пугал, и интриговал их одновременно. По всей видимости, не случайно образ степной цивилизации ассоциировался с кентавром – загадочным существом, получеловеком-полулошадью.

В России сформировался образ Змея Горыныча, отражавший страх оседло-земледельческих народов перед непреодолимой мощью кочевников. Одна из общепринятых легенд русского общества – это представление о злых кочевниках, разоривших Русь, и миф об издыхающей России, спасшей Европу от варваров.

Во многом единодушны в оценке образа и действий кочевников и авторы первых трудов, содержавших научное описание их нравов и обычаев: номады – это «божий бич», варвары, несущие разрушение и смерть[443].

На осмысление образа кочевников существенное влияние оказывали господствовавшие религиозно-мировозренческие стереотипы и библейские догмы. Одним из отцов-основателей теории цивилизации

Рахимбекова Ажар Кабдуловна, доцент кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева (010008, Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева 2); кандидат исторических наук, доцент.

Azhar K. Rakhimbekova, associate professor of the Department of History of Kazhakhstan of Eurasian National University named after L.N.Gumilev (010008, Kazhakhstan, Astana, Satpaev Str. 2), PhD, associate professor.

Телефон/ Phone: 8 530 07 74. Электронная почта/E-mail: ajar_60@mail.ru

[443] Крадин 2005: 17- 43.

Н.Я. Данилевским кочевники отнесены к «негативным творцам истории». А. Тойнби характеризует их факторами «задержки в развитии» и предрекает им последующую гибель, вообще не включая кочевников в реестр цивилизации. В соответствии с историографическими традициями образ кочевника перерастал в образ врага, в науке и воображении внедрялся их негативный образ как злых разорителей и варваров, что не могло не сказаться на формировании идеи о культурном превосходстве оседлых народов над кочевниками.

Культура кочевников воспринималась как аномальное явление, как противоположное, несоответствующее западным стандартам, потому враждебное установленному порядку вещей. В начале XIX века и в среде русской интеллигенции укрепилась мысль о том, что Запад – это культура, а все прочее – бескультурье, точнее, чем восточнее от польской реки Вислы, тем ниже культурный уровень. Впрочем, идеи противопоставления Запада и Востока идут еще от Ф. Бернье и Ш. Монтескье.

Что касается кочевников-казахов, то на протяжении ряда десятилетий считалось и, более того, укоренилось в сознании, что казахи – это кочевники, а значит не располагали перспективами развития вне влияния земледельческих обществ. И эта мысль является доминирующей в дореволюционной, советской и отчасти в постсоветской российской историографии. Чем это вызвано?

Это обусловлено тем, что традиционный взгляд на общество кочевников-казахов не учитывал всего комплекса вызвавших его условий. Не последнюю роль сыграли воззрения дореволюционных ученых при всех их заслугах в изучении истории Казахстана. Так, фундаментальный труд А.И. Левшина, признанный классическим произведением мировой востоковедческой литературы, считал, что казах «по невежеству, грубости, беспечности и порывам страстей, столь близко подходящий к состоянию его естественного человека…»[444]. По мысли Н.И. Красовского, кочевники-казахи до соприкосновения с русскими вели «бродячий образ жизни… в чем дикарь находил для себя настоятельную необходимость»[445].

Все, что не укладывалось в рамки привычного понятия, вызывало изумление и рассматривалось как прирожденное свойство архиотсталого общества казахов-кочевников. Не исключая, что длительная практика взаимодействия демонстрировала и выработку рационалистических взглядов на особенности материальной и духовной культуры «чужих» – казахов-кочевников и поиск объяснений природно-климатическими условиями среды обитания, важно отметить, что часто психологические установки и нравственно-эстетические

[444] Левшин 1996: 320.
[445] Красовский 1868: 68.

представления порождали одномерные характеристики и поверхностные суждения о жизнедеятельности казахов-кочевников. Авторы исходили из экстроверсивного восприятия формальных внешних признаков, и потому в используемой лексике преобладают отрицательные эпитеты.

Всякий образ – глубоко символическое образование. Он наполнен разного рода смыслами, символами, которые склеивают этот образ в единое целое. Вскрытие содержания этих смыслов и символов становится задачей исследователя.

Интересен опыт исследований российских исследователей. Исследователь О.Е.Сухих рассматривает образ степняков-кочевников, который сложился в русской общественно-политической мысли второй половины XIX века. В качестве примера восприятия автор выбрал представления И.Ф. Бабкова (1827–1905). Данный персонаж представлял интерес в двух аспектах: во-первых, как исследователь казахской степи, имевший возможность составить собственное мнение о казахах; во-вторых, как офицер Генерального штаба и представитель высшей сибирской администрации. В связи с последним обстоятельством, отмечает исследователь, у него наиболее ярко выражен уничижительный взгляд на казахов-кочевников, что, в конечном итоге, должно было стать основанием для продвижения русских в степь с целью завоевания и последующей колонизации этого региона.

Наиболее частые характеристики казахов-кочевников у И.Ф. Бабкова следующие: неискренние, хитрые, вероломные, грубые, дикие, воинственные и т.п. Все эти эпитеты преследуют цель противопоставления русских и казахов. Когда казахи характеризуются подобным образом, предполагается, что в этом их коренное отличие от прямодушных, просвещенных и миролюбивых русских[446]. «Воспоминания» И.Ф. Бабкова пронизаны идеей цивилизаторской миссии России в степи.

В советской историографии также доминировала мысль о значительной отсталости казахского общества и культурном превосходстве русских, что нередко рождало миссионерские размышления о добре и благе, прогрессе и цивилизации. Требует своего разрешения и вопрос: Обладал ли российский колониализм достаточными возможностями для осуществления хотя бы сколько-нибудь радикальных трансформаций, вопреки претензиям на цивилизаторскую и культурно-мессианскую роль? Метрополия представала такой же докапиталистической периферией, как и ее колонии, а императивы общинно-крестьянской морали определяли бытие более чем 80% ее населения[447].

---

[446] Сухих 2003: 93.
[447] Масанов, Абылхожин, Ерофеева 2007: 13.

В данном случае, стоит обратить внимание на высказывание У. Сандэрлэнда: «Европеизированные русские часто считали русский плебс (народ) таким же «отсталым», как и нерусские инородцы. По мнению некоторых наблюдателей, русские массы были даже гораздо более отсталыми, чем некоторые инородцы»[448].

Детерминанта стереотипных представлений в отношении казахов-кочевников это, прежде всего, издержки прежних подходов, а именно, формирование идей культурного превосходства оседло-земледельческих народов (русских) над кочевниками (казахами). Идея культурного превосходства и доминирования выработана и имело место, прежде всего, в умах правящей элиты. Какова была практическая реальность? Суровый климат, вековая целина, трудности хозяйственного обустройства – это реальность. Обратимся к повседневным практикам кочевников-казахов и крестьян-переселенцев во второй половине XIX-начале XX вв. Проведенные исследования позволяют говорить, что практика жизни отвергает несостоятельность этих стереотипов в отношении казахов-кочевников.

Сфокусируемся на рассмотрении в практической плоскости взаимоотношений оседлых народов (русских) со степными народами (казахами), используя подходы и методы социальной истории и культурной антропологии. Они дают возможность избрать другой угол зрения и увидеть иную картину взаимоотношений людей разных культур, взглядов, вероисповеданий, образа жизни, а именно: не только конфликтные, но и контактные.

По приходу на избранный участок главной заботой крестьян-переселенцев являлось устройство жилищ в новых условиях жизни. По свидетельству архивных данных, при обустройстве жилья сложилась неприглядная картина: страшная скученность вследствие ничтожных размеров землянок и скопления множества людей и даже животных. К тому же полное отсутствие всякой вентиляции, сырость и холод, вызывающие у человека неприятное ощущение зябкости. («… стены абсолютно непроницаемы и так как окна не отворяются, то вентиляция отсутствует совершенно»[449]). В конечном итоге, – болезни, значительная степень душевного угнетения, а нередко и смерть.

Вся сложившаяся ситуация с устройством жилья крестьян-переселенцев была признана властями неотложной, и было предложено при обустройстве жилищ заимствовать опыт киргизов. Так, Степной генерал-губернатор дает указание Военному губернатору Акмолинской области немедленно, по телеграфу предложить Кокчетавскому, Акмолинскому и Атбасарскому уездным начальникам, а также соответствующим переселенческим чиновникам озаботиться устрой-

[448] Сандэрлэнд 2004: 460.
[449] РГИА.

ством при помощи киргизов обыкновенных киргизских зимовок и принять меры к их улучшению. Архивный документ гласит: «Для улучшения помещений (жилищ), неудовлетворительное состояние которых послужило главной причиной чрезмерного процента смертности и заболеваний…, жилища для переселенцев на первое время устроить с помощью киргизов, из дерна, наподобие киргизских зимовок»[450].

Опыт жизни русских поселений свидетельствует, что крестьяне приспосабливаются к отсутствию леса, используя опыт жизни степняков. Так, в поселках Александровской волости большинство переселенцев живет в избах, сложенных из дерна, необожженного кирпича (самана), даже из дикого камня. Из тех же материалов, а также из талового плетня, камыша и т.п. сложены все помещения для скота. Очевидно, что при осуществлении мер к постройке и улучшению временных жилищ крестьян-переселенцев, там, где это было крайне необходимо, использовался жизненный опыт казахов, вопреки определенным представлениям государственных мужей по поводу степных жителей. Уклад кочевой жизни, многовековая культура, повседневный быт казахов, учитывавший своеобразие экологических условий для хозяйственной деятельности, были примером для пришедших обустроиться в степных просторах.

Топливом, даже у наиболее зажиточных крестьян, служит исключительно кизяк, который изготавливают не знавшие кизяка на родине пермяки, оренбуржцы и т.д. Как известно, в качестве топлива кизяк использовали еще андроновцы. Более того, даже некоторые крестьяне Боровской волости, расположенной среди лесистого пространства, имея возможность заготовлять дрова для топлива, в последние годы начинают делать кизяк. «Едва ли можно сомневаться в том, – отмечает А.Кауфман, – что и будущие водворенцы смогут довольствоваться для отопления кизяком, даже опасаясь того, что это обстоятельство явится впоследствии немаловажным препятствием к распространению унаваживания пашен»[451].

Ко многим существенным трудностям и недостаткам переселенцев прибавляется недоедание и однообразная пища, которая состоит из муки, выдаваемой администрацией для зимовавших переселенцев в размерах 1 пуда на взрослого; потому примеры заимствования мы находим и в отношении пищи. Так потребление кумыса крестьянами-переселенцами для лечебных целей упоминается в архивных материалах. В связи со сложившейся сложной ситуацией, на ассигнования министерства внутренних дел была открыта столовая в Архангельском поселке Петропавловского уезда для новоселов, заболевших цингой и другими болезнями. Столовая устроена титулярным советником Стан-

[450] ЦГА РК: Д. 4614, Л. 43.
[451] Кауфман 1896: 73.

кевичем для слабых и больных переселенцев. В перечне израсходованных продуктов по столовой с 7 июля по 23 сентября среди обычных продуктов, потребляемых переселенцами, значится и кумыс. Было израсходовано: мука – 511 пудов, картофель – 131 пудов, молоко – 2.610 крынки, мясо – 196 пудов, сало – 15 пудов, яйца – 2.021 штук, кумыс – 85 ведер, рыба (сушеная) – 3 пуда, масло топленное – 1 пуд, лук – 6 пудов, соль – 9 пудов[452].

В одном из путевых заметок рассказывается о русских переселенцах, поселившихся под Казалинском. «…кто решили остаться за стройку принялись, другие же киргизские кибитки купили, приноровились к труду непривычному. Колодцы рыть начали, глину месить по киргизски с соломой; комья лепили, на солнышке сушили; из комьев и стены выводили, двери из камышовых плетен, окна рамах ладили, камышовые плоские крыши делали. Скоро и зима подошла, холодные ветры задули. Хватились за счет топлива; саксаул, колючку или камыш с лета запасают. Дожди пошли, стройка новая, крыши протекли и стены размывать стало, у кого кибитки, тем лучше было. В начале февраля весна началась. Которые на новых местах остались, у киргизов на посев семена купили, начали плуги ладить…»[453].

Самый тяжелый, самый несвойственный, непривычный труд, который выпал на долю русского переселенца в Туркестанском крае, – это искусственное орошение. Можно только удивляться, чего не в состоянии перенести человек в силу необходимости и привычки (под палящим солнцем, в течение целого дня люди раскачивают черпаки).

Имели место и протестные практики. Нельзя исключать и то, что казахи- кочевники оказывали сопротивление заселению крестьян-переселенцев. Они изгоняли землемеров, уничтожали межевые знаки, нападали на крестьянские поселения, поджигали хозяйства, угоняли скот, особенно лошадей. Крестьяне-переселенцы, в свою очередь, нападали на казахские аулы, о чем также свидетельствуют архивные источники. Излишне утверждать об ущемлении прав местного населения при проведении колонизации, связанного, прежде всего, с изъятием плодородных земель, что, безусловно, порождало конфликты. Это доказано предыдущими исследованиями. Нет смысла в повторении изученного. Речь идет о привнесении и наращивании знаний.

Стоит обратить внимание и на практику трудового сотрудничества. Повседневное общение с русским населением в свою очередь убеждало казахов в выгодности оседлой жизни и земледельческого труда. Казахи с большим желанием брались за освоение новых форм хозяйственной деятельности. Ученый-востоковед В.В. Григорьев отмечал: «они постигли уже удобства и пользу жизни оседлой, и стре-

[452] ЦГА РК: Д. 4614, Л. 118.
[453] Родина 1880: 148-161.

мятся к ним быстро: ибо в отделывании земель под посевы все страдные и домашние, и крестьянские работы, свойственные их быту изделия, – знакомы им, не менее, русских»[454].

«…киргиз охотно перенял от татар и русских употребление самовара, находит эту посудину и красивою, и забавною, и удобною… с этим украшением юрты ни за что не расстанется. Многие из близлинейных киргизов, побывав в сибирских селениях, завели у себя в юртах утварь наподобие русской: столы, стулья, посудные и платяные шкапы, складные железные кровати, ложки, вилки, ножи, тарелки и т.д.»[455].

Итак, крестьяне-переселенцы и казахи-кочевники – люди совершенно разные по укладу жизни, культуре, ментальности стали встречаться, заимствовать жизненный опыт, порой сближаться; между ними зарождались и приятельские взаимоотношения. Путь сближения был трудным, беспокойным и долгим. Не сломленные жизненными трудностями, борясь за хлеб насущный, в непривычных условиях «чужой» природы многие из крестьян-переселенцев смогли устроить свой повседневный быт и благодаря жизненному опыту местного населения – казахов-кочевников.

Дореволюционный исследователь А.И. Иванов приводит справедливое высказывание Е.П. Маковецккого в статье «Юрта» о том, что мы, «европейцы, гордые сознанием превосходства своей культуры, свысока относимся к киргизам, считая их дикарями, недостаточными нашего внимания. Эта черта проходит красной полосой во всей истории наших сношений с инородцами и во всей нашей колонизационной политике. Понятно, такое отношение более чем несправедливо. Причины экономического падения киргизского хозяйства местная администрация объясняет крайним земельным стеснением киргиз»[456].

По мнению представителей русского государства и большинства образованных русских, «отсталые» жители Востока должны были стать более похожими на русских, в то время как русские должны были изменить других, сохранив при этом свой язык, обычаи, религию и свою «русскость». Считалось желательным и вполне естественным, что «инородцы», проживающие в империи, когда-нибудь станут «русскими». Русские не должны были скатываться вниз по шкале цивилизации и становиться «Другими». Ключевым понятием здесь была «шкала». В XVIII веке русские ученые (многие из них были немцами, работавшими в Академии наук), одержимые страстью к составлению всевозможных классификаций, приступили к созданию подробной

[454] Григорьев 1905: 37.
[455] Красовский 1868: 401-402.
[456] Иванов 1895: 25.

этнографической таксономии народов империи. Находясь под сильным влиянием идей Просвещения относительно того, какие обычаи лучше, а какие хуже, русские ученые построили примерную иерархию культур народов империи. На вершине этой иерархии стояли оседлые земледельцы (предпочтительно православные и предпочтительно славяне), далее шли кочующие скотоводы, и последними – различные группы, занимающиеся охотой и собирательством. Однако практика жизни демонстрирует их несостоятельность.

Приложение мыслительных усилий к пониманию, что практика и опыт жизни одних могут заимствоваться другими, и рассмотрение через призму ситуативных практик повседневной жизни с целью жизнеобеспечения позволило увидеть наличие разных сюжетов, связанных, как с колониальными столкновениями, так и контактами, разделяющие барьеры и соединительные звенья. В системе отношений метрополия – колония далеко не все определяли политические и экономические интересы. Значительная роль принадлежала системе идей, представлений, образов, востребованных исторической наукой.

В изучении истории русской крестьянской колонизации в прежних академических исследованиях авторы предпочитали углубляться в хозяйственные подробности жизни крестьян-переселенцев, часто оставляя без внимания восприятие мира, нравственность, социальную психологию и поведенческие стереотипы. Применение подходов социальной истории, культурной антропологии демонстрирует возможность избежать возвращения к стереотипным представлениям и ущербность увлечения лишь этнической доминантой.

Список источников и литературы

Григорьев 1905 – Григорьев В.В. Несколько заметок о Киргизской степи. Спб, 1905.

Иванов 1895 – Иванов А.И. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. – СПб, 1895.

Крадин 2007 – Крадин Н.Н. Кочевники в мировом историческом процессе // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: Сборник материалов Международной научной конференции./ Под ред. И.В. Ерофеевой и Л.Е. Масановой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

Красовский 1868 – Красовский Н.И. Область сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. – СПб, 1868.

Левшин 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей (под общей редакцией академика М.К. Козыбаева). – Алматы, «Санат», 1996.

Масанов, Абылхожин, Ерофеева 2007 – Масанов Н.Э., Ж.Б. Абылхожин, Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 3. Д. 435. Л.300.

Родина 1880 – Родина. 1880. – № 3. С.148-161.

Сандэрлэнд 2004 – Сандэрлэнд У. Империя без империализма? Неоднозначный характер колонизации в царской России// Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»)/ Под редакцией И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. – Казань: «Центр исследований национализма и империи», 2004.

Сухих 2003 – Сухих О.Е. Образ казахов-кочевников в записках русского администратора//Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. – Астана; Томск; Омск, 2003. С.93-96.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 391. Оп. 3.

Azhar Rakhimbekova

STEREOTYPED IMAGES AND REPRESENTATIONS: THEIR INSOLVENCY ON THE EXAMPLE OF THE PRACTICE OF INTERRELATIONS OF KAZAKH-NOMADS AND PEASANTS-SETTLERS

The article dedicated to stereotypical views about kazakhs-nomads prevailing in historiography. Attention focuses on the life experience of kazakhs-nomads in certain climate conditions and borrowing by peasants-settlers in new conditions for them.

Key words: image, stereotypes, “one’s own – alien”, borrowing, kazakhs-nomads, peasants-settlers, practice of daily occurrence.

DOI 10.26170/vvi17-01-17
Код ВАК 07.00.02; 07.00.03

А. И. Романчук

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ: ХЕРСОНЕССКИЙ СВЯТО-ВЛАДИМИРСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ПЕРВЫЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ РАСКОПКАМИ

В публикации рассмотрено влияние объективных и субъективных причин, влиявших на процесс раскопок в Херсонесе. Согласно документам, руко-